

**Демонстрационный вариант
контрольных измерительных материалов
промежуточной аттестации
по «Родной литературе» в 8 классах
в 2022-2023 учебном году**

"Русским Нилом" мне хочется назвать нашу Волгу. Что такое Нил - не в географическом и физическом своем значении, а в том другом и более глубоком, какое ему придал живший по берегам его человек? "Великая, священная река", подобно тому, как мы говорим "святая Русь", в применении тоже к физическому очерку страны и народа. Нил, однако, звался "священным" не за одни священные предания, связанные с ним и приуроченные к городам, расположенным на нем, а за это огромное тело своих вод, периодически выступавших из берегов и оплодотворявших всю страну. Но и Волга наша издревле получила прозвание "кормилицы". "Кормилица-Волга"... Кроме этого названия она носит и еще более священное - матери: "матушка-Волга"... Так почувствовал ее народ в отношении к своему собирательному, множественному, умирающему и рождающемуся существу. "Мы рождаемся и умираем, как мухи, а она, *матушка*, все стоит" (течет) - так определил смертный и кратковременный человек свое отношение к ней как к чему-то вечному и бессмертному, как к вечно сущему и живому, *тельному* условию своего бытия и своей работы. "Мы - дети ее: кормимся ею. Она - наша *матушка* и *кормилица*". Что-то неизмеримое, вечное, питающее...

Много священного и чего-то хозяйственного. И "кормилицей" и "матушкой" народ наш зовет великую реку за то, что она родит из себя какое-то неизмеримое "хозяйство", в котором есть приложение и полуслепому 80-летнему старику, чинящему невод, и богачу, ведущему многомиллионные обороты: и все это "хозяйство" связано и развязано, обобщено одним духом и одною питающею влагою вот этого тела "Волги" и вместе бесконечно разнообразно, свободно, то тихо, задумчиво, то шумно и хлопотливо, смотря по индивидуальности участвующих в "хозяйстве" лиц и по избранной в этом "хозяйстве" отрасли. И вот наш народ, все условия работы которого так тяжки по физической природе страны и климату и который так беден, назвал с неизмеримой благодарностью великую реку священными именами за ту помощь в работе, какую она дает ему, и за те неисчислимы источники пропитания, какие она открыла ему в разнообразных промыслах, с нею связанных. И "матушка" она, и "кормилица" она потому, что открыла для человеческого труда неизмеримое поприще, все двинув собою, и как-то благородно двинув, мягко, неторопливо, непринужденно, неповелительно. В этом ее колорит.

Все на Волге мягко, широко, хорошо. Века тянулись, как мгла, и вот оживала одна деревенька, шевельнулось село; там один промысел, здесь -- другой. Всех поманила Волга обещанием прибытка, обещанием лучшего быта, лучшего хозяйства, нарядного домика, хорошо разработанного огородика. И за этот-то мягкий, благородный колорит воздействия народ ей и придал эпитеты чего-то родного, а не властительного, не господского. И фабрика дает "источники" пропитания, "приложение" труду. Дают его копи, каменные пласты. Но как?! "*Черный город*", "*кромешный ад*", "*дьявольский город*" - эти эпитеты уже скользят около Баку, еще не укрепившись прочно за ним. Но ни его, ни

Юзовку не назовут дорогими, ласкающими именами питаемые ими люди. Значит, есть хлеб и хлеб. Там он ой-ой как горек. С полынью, с отравой. Волжский "хлеб" -- в смысле источников труда -- питателен, здоров, свеж и есть воистину Божий дар...

Детство мое все прошло на берегах Волги -детство и юность. Кострома, Симбирск и Нижний - это такие три эпохи "переживаний", каких я не испытал уже в последующей жизни. Там позднее я как-то более господствовал над обстановкою, сам был зрелее и сильнее, и, словом, внутренняя моя жизнь, движение идей и чувств уже набирали впечатление улиц, площадей, церквей, реки. Не то в детстве, о котором и мамы говорят, что "дитя -- как воск, на него что ляжет., то и отпечатается". И вот я помню эту Кострому -- первое самое длинное, тягучее, бесконечное впечатление. Знаете, взрослый человек как-то больше года, -- хотя и странно их сравнивать, -- и от этого год ему кажется маленьким, коротеньким, быстро проходящим. Годы так мелькают в возрасте 40--50 лет. Но для шестилетнего мальчика год -- точно век. Ждешь и не дождешься Рождества, и точно это никогда не придет. Потом ждешь Пасхи, и как медленно она приближается. Потом ждешь лета. И этот поворот лета, осени, зимы и весны кажется веком: ползет, не шевелится, чуть-чуть, еле-еле...

Дожди... Вообразите, что господствующим впечатлением, сохранившимся от Костромы, было у меня впечатление идущего дождя. У нас были сад, свой домик, и я все это помню. Но я гораздо ярче помню впечатление мелкого морозящего дождя, на который я с отчаянием глядел, выбежав поутру, еще до чая, босиком на крыльцо. Идет дождь, холодный, маленький. На небе нет туч, облаков, но все оно серое, темноватое, ровное, без луча, без солнца, без всякого обещания, без всякой надежды, и это так ужасно было смотреть на него. Игр не будет? Прогулки не будет? Конечно. Но было главное не в этом лишении детских удовольствий. Мгла небесная сама по себе входила такую мглой в душу, что хотелось плакать, нюнить, раздражаться, обманывать, делать зло или (по-детски) "назло", не слушаться, не повинаться. "Если везде так скверно, то почему я буду вести себя хорошо?"

Или утром -- опять это же впечатление дождя. Я спал на сеновале, и вот, бывало, открыв глазки (дитя), видишь опять этот же ужасный дождь, не грозовой, не облачный, а "так" и "без причины" -- просто "дождь", и "идет" и "шабаш". Ужасно. Он всегда был мелок, этот ужасный, особенный дождь на день и на неделю. И куда ни заглядываешь на небе, хоть выбредя на площадь (наш дом стоял на площади-пустыре), -- нигде не вымотришь голубой обещающей полоски. Все серо. Ужасная мгла! О, до чего ужасно это впечатление дождливых недель, месяцев, годов, целого детства -- всего раннего детства.

"Дождь идет!" -- "Что такое делается в мире?" -- "Дождь идет". -- "Для чего мир создан?" -- "Для того, чтобы дождь шел". Целая маленькая космология, до того невольная в маленьком ребенке, который постоянно видит, что идут только дожди. "Будет ли когда-нибудь лучше?" -- "Нет, будут идти дожди". -- "На что надеяться?" -- "Ни на что". Пессимизм. Мог ли я не быть пессимистом, когда все мое детство, по условиям тогдашней нашей жизни зависевшее всецело от ясной или плохой погоды, прошло в городе такой исключительной небесной "текучести". "Течет небо на землю, течет и все мочит. И не остановить его, и не будет этому конца".

И не настало "конца", пока нас, маленьких двух братьев, не перевезли из Костромы в Симбирск. Но тут началось уже все другое. Другая погода, другая жизнь. Я сам весь и

почти сразу сделался другим. Настал второй "век" моего существования. Именно "век", никак не меньше для маленького масштаба, который жил в детской душе.

И вот почти в старости мне захотелось пережить "опять на родине", пережить этот трогательный сюжет многих великих русских поэтов.

- 1. Прочитайте приведённый ниже отрывок. Запишите имя и фамилию автора и название произведения.**
- 2. Какое средство выразительности использует автор?** «Мгла небесная сама по себе входила такую мглою в душу, что хотелось плакать, нюнить, раздражаться, обманывать, делать зло или (по-детски) "назло", не слушаться, не повиноваться...» **Дайте краткий ответ на данное задание.**
- 3. Выпишите из 2 абзаца ключевые слова и словосочетания, характеризующую Волгу как «матушку» и «кормилицу».**
- 4. На основании каких признаков В.В.Розанов сравнивает Волгу с Нилом? Запишите ответ на задание в объёме 2-3 предложений. Приведите примеры из текста, которые аргументируют ваш ответ.**
- 5. Как писатель объясняет особенность отношения русского народа в Волге-кормилице? Запишите ответ на задание в объёме 3-5 предложений. Приведите примеры из текста, которые аргументируют ваш ответ.**
- 6. С помощью каких изобразительных средств автор передает дождливую погоду на Волге? Приведите примеры из текста (не менее 5 ключевых слов)**
- 7. Согласны ли вы с утверждением автора, что Волга - это «русский Нил»? Аргументируйте свой ответ, опираясь на текст очерка, а также на произведения, изученные в разделе «Родные просторы».**